

Гр. Капанцян
Действительный член Академии наук Арм. ССР

К задачам строительства современного армянского языка*

В этом докладе мы в общих чертах рассматриваем два основных вопроса: пытаемся, во-первых, проследить пути становления и развития армянского языка в связи с историей армян и, во-вторых, — выяснить и в главных чертах определить задачи строительства современного армянского языка.

1.

Армянский народ, возникший на заре истории, за 15 веков до н. э., из разных родоплеменных групп Хайасы (Малой и Высской Армении) и освоив затем территорию и население Урарту, сумел создать не только свое государство и культуру, дожить наперекор превратностям судьбы до двадцатого века, до века социализма, но и сохранить свой богатый язык. Не многим народам и племенам древности судьба предоставила такую счастливую возможность. Из многочисленных племен и народов нашего Ближнего Востока счастье улыбнулось лишь иранцам, сирийцам, армянам и грузинам, создавшим вдобавок и свой алфавит, письменность на своих языках, — это непереносимое условие их политической и культурной консолидации.

По данным М. Хоренского, еще в начале II века до н. э. у армян была храмовая литература в городе Ани-Камах на Ефрате, в этой былой столице Хайасы. Сюда прибывали ученые не только из Сирии (напр., Бэрдайдан), но и из далекой Греции, чтобы пользоваться историческими текстами, которые хранились в местном архиве, и переводить их. Упоминаются здесь и армянские жрецы Олюп и Мажан. Но, к несчастью, не говорится о характере письма этой храмовой литературы. Вероятно, что оно было либо сирийским, либо греческим.

Эта письменность свидетельствует о классовом делении армянского народа и о наличии государства, возникшего к периоду господства Арташеса и Зариадра. Племенное общество не могло иметь такой атрибут культуры, политического объединения и власти как письменность.

Здесь нам следует немного остановиться на качестве самого языка этих храмовых архивов, как и вообще на древнем армянском обществе этого периода (III—II века до н. э.), где, по свидетельству

* Доклад, прочитанный на расширенном заседании ученого совета института языка АН Арм. ССР 23 мая 1951 г.

Страбона, жители настолько арменизировались, что понимали друг друга, „были одноязычны“. Нет сомнения, что в основе этого общего понимания лежал тот язык, который 7 или 8 веков позже выступил в богатой литературе пятого века, который позже, уже в мертвый его период, ученые стали называть „грабар“, т. е. „по письменному“, письменный язык.

Для понимания становления и нового качественного оформления этого древнеармянского языка нам следует проследить исторические пути образования армянского народа (этнoса) во всем его многообразии. Более подробно об этом мы говорили в нашем труде „Хайаса—колыбель армян“. Такой исторический подход к изучению образования общенародных и национальных языков—единственно научная основа в деле выяснения качества и существа этих языков. Вспомним слова товарища Сталина о связи языка с историей общества: „...язык и законы его развития можно понять лишь в том случае, если он изучается в неразрывной связи с историей общества, с историей народа, которому принадлежит изучаемый язык и который является творцом и носителем этого языка“.¹

Отправным пунктом для выяснения свойств грабара я беру язык государства („царства“) Хайаса, цари которого обменивались с царями хеттов письменами и трактатами, написанными, вероятно, хеттской клинописью и на хеттском языке, хотя общим международным и официальным языком обмена считался вообще ассиро-вавилонский (аккадский) язык. Хотя хайасский царь Анниа и выступал от имени всего политического объединения и, видимо, сохранял за собой наследственные права, но после его поражения уже выступает совет старейшин этих племен, что свидетельствует еще о некоторой самостоятельности племен с их вождями. Трудно настоять на том, что все племена Хайаса-Аззи говорили только на одном языке, но несомненно был один господствовавший язык и этот язык был язык хайев, именем которых и назывался весь союз Хайаса, а может быть и Аззи, которые между прочим путают хеттские клинописные документы. Этот господствующий язык хаев с течением времени, вплоть до их переселения на территорию Урарту, усваивал от соседних хеттов много слов и отчасти форм, хотя подчас и трудно бывает доказать источник этих общностей. Уже позже, после переселения на территорию Урарту, хаи имели настолько богатый язык и политическое влияние, что ассимилировали не только мелкие языки и диалекты бывшего урартского государства (с VII в до н. э.) и его многочисленные племена и роды, но также влиятельных арминцев и хурритов (шуприйцев) районов Армине и Шуприа на верхнем течении истоков реки Тигр, урартцев—халдов собственной Биайны (Васпуракан) с конца V века, а также многочисленные племена

¹ И. В. Сталин, *Марксизм и вопросы языкознания*, изд. „Правды“, 1950, стр. 18.

пала или бала, переселившиеся вместе с хаями. Несомненно, араратская долина с ее многочисленными племенами, образовавшими в урартское время некое подвластное урартскому государству объединение, под названием Этиуни, была покорена и ассимилирована хаями позже всех (с конца V века), хотя процесс ханзации в Закавказье продолжался и дальше на восток, в сторону поздней Сюнии, Арцаха, а также на запад в сторону Сомхита, Самцхе, Тао и пр., где превалировал грузинский элемент. С другой стороны, в пределах самой Армении существовали еще в VI веке нашей эры и позже племена, как ортай-цы („орты“) в долине Харберда, которые не были арменизированы, не говоря уж о некоторых районах Сасуна, где (по свидетельству армянского историка XIII в. Фомы Арцруни) жители говорили на особом языке (вероятно, хурритского типа), не похожем ни на армянский, ни на сирийский языки.

Несомненно, господствовавший язык хаев, ассимилировавший многочисленные языки Урарту, перенял от них и много слов, а может быть и ф.рм. Но, к несчастью, от этих языков не осталось письменных памятников. Быть может, отдельные слова этих языков еще бытуют в многочисленных армянских диалектах. Многочисленные языки Урарту не могли полностью арменизироваться; кое-что свое (в словах, интонациях, звуковых особенностях и даже в некоторых формах) они могли удержать, тем более, что рельеф Армении с его многочисленными ущельями и горами сильно препятствовал общению и ассимиляции.

Таким образом, несомненно, что с процессом установления общеармянского народного языка должны были оформиться и бытовать также местные диалекты, наречия. Мы не говорим уже о таких диалектных признаках, как окончание—*օր* (русс.-р) для множественного числа и окончания—*օր* (русс.-ви) для двойного числа, наличие—*յ* (русс.-ц) в исходном падеже единственного числа северных наречий. Следует отметить также произношение у ванцев, битлисцев, мокцев и др. звука *х* вместо *օ* других диалектов, что, видимо, является результатом воздействия урартского языка. Наши древние писатели свидетельствуют о произношении *սի. փ* (напр., *սի-փուփ* || *փափուփ*) в VIII веке вместо *բ* (*բափուփ*). Еще Езник Кохбацци указывал на наличие различных слов для обозначения одного и того же понятия (*սյ* „ветер, дуновение“ в одном диалекте и *սիւք* в другом). О возможности существования армянских диалектов еще в древнее время говорил Гюбшман, сильный арменист в области сравнительного изучения древнеармянского языка.

Товарищ Сталин, останавливаясь на вопросе о существовании наряду с издавна сложившимися языками также и диалектов, указывает: „Конечно, были наряду с этим (общенародным языком—Г. К.) диалекты, местные говоры, но над ними превалировал и их подчинял

себе единый и общий язык племени или народности"¹ или же: „Наличие диалектов и жаргонов не отрицает, а подтверждает наличие общенародного языка, ответвлениями которого они являются и которому они подчинены“.²

Мы хотели бы подчеркнуть то новое обстоятельство, что диалекты были в состоянии усвоить не только от общенародного языка большинство его языковых элементов (словарный фонд и грамматику), сохранив при этом некоторую часть своего бывшего языкового достояния, но и создать и развить языковые явления, которых раньше не было ни в общенародном языке, ни в древнейших местных языках. Напр., в современном араратском диалекте существует грамматическая категория рода, а именно рода личности (человека) в противовес предметам и животным (кои опредмечены). Например, в форме винительного падежа (=дат. п.) говорится *ես տեսա իմ ուսանողին*, но *ես տեսա իմ դպրոցը*, а не *դպրոցին*. Этой особенности не было ни в древнеармянском языке, ни в других наречиях. Или, например, тот же араратский и другие диалекты сейчас выделяют ряд времени в родительном-дательном и отчасти в исходном падежах, как *օր*, *օրվա*, *օրվանից* или *շաբաթ*, *շաբաթվա*, *շաբաթվանից* и т. д., подобно тому как русский язык выделяет в форме родительного падежа одушевленные предметы, не говоря о других родах в языках (мужс., женск., животный, предметный и т. п.).

Для иллюстрации историко-языковых отношений между грабарским и нашими диалектами мы бы сослались на восточно-славянский язык, который из бассейна Днепра (Киевской Руси) постепенно распространялся на восток, в район между Волгой и Окой, а также на север, к Пскову и Новгороду, а в дальнейшем, с возникновением Московского государства, все дальше и дальше на восток и на Сибирь. Наряду с общим языком возникли многочисленные диалекты окаяющего и акающего или цокающего и чокающего характера, не считая другие признаки и различия, особенно в лексике и синтаксисе. И это разнообразие получилось, несмотря на степной характер России, в противовес изрезанности территории Армении, а иногда и недоступности армянских районов (напр., Сасун, Сюник). В Грузии район Сванетия общался с внешним миром только в два летних месяца, и, естественно, свой особый язык эта горсточка горцев сохранила в нетронутом виде вплоть до нашего времени. В Дагестане иногда на небольшом пространстве соседствуют разноязычные села и поселки.

В Армении, кроме вышеприведенных факторов общего и частного характера, имело место и другое важнейшее обстоятельство, оказавшее решительное влияние на развитие древнеармянского языка и его многочисленных диалектов. Мы имеем в виду фактор политический и культурный.

¹ И. В. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 10.

² Там же, стр. 18.

Когда в промежутке VII—III веков до н. э. образовался единый армянский язык и его диалекты и говоры, то, естественно, усилению грабара и его роли в нивелировании диалектов способствовало местонахождение центральной власти с его духовенством, школами, чиновничеством, писцами, двором и т. п. Местонахождению этой центральной власти в Арташате, а позже и в Вагаршапате, мы приписываем столь большую близость языка гоxtанских народных песен к грабару. Морфологически и лексически, если не считать повторяемость, уменьшительно-ласкательные формы и расположение определения (предшествующего существительным), язык этих песен ничем не отличается от грамматической конструкции языка Фауста Бюзанда, Евангелия или Парбеци. Быть может наличие этой политико-церковной власти в Арташате и в Вагаршапате нужно приписать также и сравнительно меньшее расхождение араратского диалекта с грабаром по внешней форме, чем это мы видим в развитии современных других диалектов, иногда по форме отличающихся от грабара до неузнаваемости.

Вообще же нужно сказать, что наличие сильной центральной власти имело благотворное влияние на развитие как грабара, так и диалектов, все более и более тяготевших к грабару. Этот консолидирующий фактор давал о себе знать с III в. до н. э. и до VII века нашей эры, вплоть до арабского нашествия. С этого момента Армения не только стала политически немощной, чему не помешала и Баградитская местная власть в Ани, но и с нашествием сельджуков и византийцев (с их политикой уничтожения мелких армянских княжеств), монголов, турок и др., она была экономически разорена, политически разорвана на клочки. Значительные массы армянского народа были вынуждены эмигрировать, а оставшееся население лишилось какого-либо связующего центра. Церковь также не могла содействовать консолидации армянского народа. Экономическая, политическая и культурная разобщенность армянского народа самым пагубным образом должна была отразиться на его судьбах, на судьбах его языка. В этом отношении присоединение Армении к России сыграло весьма прогрессивную роль в жизни армянского народа. Благотворное влияние передовой культуры русского народа и новая политическая ситуация создали условия, при которых вместо древнеармянского языка, переставшего с VII века объединять по языку всех армян, постепенно создавался с середины XIX века на почве араратского диалекта новый северо-армянский единый литературный язык, ставший в Советской Армении государственным языком. Нет ни малейшего сомнения, что этот язык, столь неудачно именуемый „восточно-армянским“, не в очень далеком будущем станет общенациональным языком всех армян.

Наше понимание вопроса относительно распространения и изменения древнеармянского языка (в связи с расширением влияния хаев), а затем и постепенного его отмирания (VII—VIII вв.), под-

тверждается аналогичными процессами в истории других языков. Так, например, в отношении судеб монгольского языка мы видим аналогичный нашему древнему и новоармянскому языкам процесс. В ответе на письмо проф. Санжеева товарищ Сталин писал: „...единный язык народности, не ставшей еще нацией в силу отсутствия необходимых экономических условий развития, терпит крах вследствие государственного распада этой народности, а местные диалекты, не успевшие еще перемолотиться в едином языке,—оживают и дают начало образованию отдельных самостоятельных языков. Возможно, что так именно обстояло дело, например, с единым монгольским языком“.¹ В доказательство того, что местные диалекты могут перерасти в национальные языки, товарищ Сталин приводит пример образования современного русского языка на основе курско-орловского русского диалекта, а украинского—на основе полтавско-киевского диалекта.²

Для понимания истории армянского языка весьма важное значение имеет указание товарища Сталина о возможности распада единого общего языка, оживления местных диалектов. Подобный процесс пережил и армянский язык. Распадение и гибель древнеармянского языка, габара, вызвали оживление многих армянских территориальных диалектов.

После распада древне-армянского языка в новое время в армянской действительности образовался не один только новолитературный язык на базе араратского диалекта (диалекта „ум“), но и другой литературный язык на базе диалекта „ку“, имевший распространение в западной, так называемой, Турецкой Армении. Новый западно-армянский литературный язык образовался даже раньше, благодаря конгрегации мхитаристов и константинопольским армянам, имевшим сравнительно более благоприятствующие условия, чем армяне Закавказья до его присоединения к России. Сейчас, как уже нами было подчеркнуто, этот западно-армянский литературный язык, на котором были написаны произведения Сиаманто, Д. Варужана, М. Мецаренца, Г. Зохраба, А. Пароняна, А. Арпиаряна и др., не имеет больше перспектив дальнейшего развития и существования, ибо после резни и выселения из Турции армянского населения там осталось очень незначительное количество армян. Следовательно, единственным общенародным языком армян остается современный язык Советской Армении, являющийся государственным языком.

II.

Перейдем теперь к вопросам языкостроительства, опираясь на опыт и успехи, одержанные в этом деле в Советской Армении.

Наш новоармянский литературный и общенародный язык, как известно, вырос на базе живого араратского диалекта, а не из сово-

¹ И. В. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 37—38.

² Там же, стр. 37.

купности многих диалектов, как ошибочно полагают некоторые наши лингвисты. Но этот язык настолько отшлифовался и обогатился разными другими элементами морфологического и лексического порядка, главным образом взятыми из грабара, что современный наш армянский язык мало похож даже на язык Абовяна, Прошяна и др.

Обратим свое внимание на фонетическую сторону нашего нового языка. Консонантизм хотя и отражает местное состояние араратского, да и прочих диалектов, однако произношение дифтонгов осталось старое, грабарское: например, относительно согласных мы произносим *խփփփա, ժարթ, կարթ, արչ, օջ, բարցր* и т. д., т. е. старые *р, ч, ж, ѝ, ѝ* в середине и в конце слов почти исключительно стали *ф, Ѳ, ф, з, г*, т. е. глухими аспиратами. Но многие наши армяне под влиянием письма восстанавливают тут старое произношение—*նուրր, ժարդ, ընդհանուր, ընդարձակ, օգուտ* и пр., и мне думается, что это не должно возбраняться. Орфоэпия, т. е. правильное произношение, еще не установилось не только в нашем, сравнительно молодом, литературном языке, но во многих других и даже в таком языке, как русский с его долгим периодом развития. Так, в русском языке имеем—*который, хорошо* и т. п. и *каоторый, харашо* и пр. или *доктора* и *докторы, профессора* и *профессоры, безыдейный* и *безидейный*, не говоря о разноместном ударении (*библи-отека* и *библиотека* и т. п.).

Нам кажется, что не следует препятствовать восстановлению грабарского произношения *նուրր, ժարդ* и т. д., точно так же, как мы не препятствуем произношению *հանդես, բարախել* и др. Произношение же дифтонгов *ալ, ոլ, իւ, նա* и прочих у нас сейчас всецело грабарское, а не местно-диалектное, мы говорим: *հայր, մայր...*, *քույր, լուս...*, *ալյուր, աղբյուր...*, *ատյան, գիտություն* и т. п. В диалектах же эти дифтонги стали мэнэфтонгами (с одним гласным) вроде: *հեր, մեր* (или *հար, մար*), *քիր, լիս...*, (или *քուր, լուս*) и т. п. Точно так же в грамматическом отношении из грабара взяты такие формы, как родительный падеж на-յան (*գիտության, պատմության*) и творительный падеж на-յամբ (*գիտությամբ, պատմությամբ*) от слов на-ություն, затем форма родительного падежа—ման (*ուսման, արժրման...*) от слов с суффиксом-ում (древнее-ումն).

Применяются древние предлоги *ի, րստ, ընդ, առ* в ограниченных их функциях, как, напр., *ի գիտություն, ի տնօրենություն, րստ թորենացու, րստ իս, ընդ որում, ընդ սմին, առ մեկը հուսվարր* и т. д. и т. п. Затем имеем выражения *մի առ մի, քալլ առ քալլ, առ սրտ. օր ալուր, օր րստ օրէ, ընդ միշտ, փոքր ի շատ է, օրեցօր, հանձին, հանձրես, այնուամենայնիվ, համենայն դեպս, բարե, ցտեսություն* и пр. Я вж не касаюсь лексики, в которой, помимо общих грабару и диалектам слов, новоармянский язык освоил многочисленное количество чисто древнеармянских слов и корней, как и новообразований, как *մտայնություն, սամառնալ, շոգեքարշ, լսարան, համալսարան, հասանալ, հե-*

ծանհի, ուղեւոր, դեպքանոր, տեղամաս, կուսակցութիւն, ինքնաբեր, գերշահույթ, վերապահում և т. п. А ведь такие древнеармянские слова или новообразования по древней технике сейчас насчитываются тысячами. Как видим, основным источником для новоармянской лексики, отчасти также для фонетического облика и грамматических свойств склонения и спряжения, является древнеармянский язык, грабар.

Литературный язык западных армян, как новое языковое оформление на базе „ку“ диалектов может иметь очень ограниченное для нас значение в смысле источника и то лишь в отношении лексики, поскольку там имеются удачные термины и слова. Тем не менее, должна быть какая-то степень или мера испльзования и элементов грабара, что как раз и не всегда учитывается и что может привести к засорению языка архаизмами. Акад. В. Виноградов правильно оценивает пушкинский прием и меру сочетания элементов древнеславянского и живого народного и разговорного языка в развитии русского языка. „Пушкин, — писал он, — сливал слова и обороты церковнославянского языка с живой русской речью. На таком соединении он создал поразительное разнообразие новых стилистических средств в пределах разных жанров. Он воскрешал старинные выражения с ярким колоритом национальной характеристики“.¹

Так как грабар давным данно потерял свое значение связующего, нивелирующего и цементирующего фактора для наших диалектов, то последние уже с VII века начали развиваться самостоятельно и достигли такой степени дифференциации и взаимного исключения, что говорящие сейчас, скажем, на зейтунском, араратском, зокском и хойском и других диалектах совсем не могут понять друг друга. Даже произведения Р. Патканяна (напр., „Чаху“), Г. Сундукяна („Пепо“), песни Саят-Новы, Тмблаци Хачана („Зурна-тмбла“) и т. д. сейчас нам мало понятны и нуждаются в переводе на наш литературный язык. Тем не менее некоторые удачные лексические и идиоматические элементы наших диалектов могут быть нами использованы с фонетико-морфологическим оформлением, соответствующим современному литературному языку.

Наши диалекты, в частности, должны быть использованы в свсих выражениях и идиомах. Так, например, имеется много разных понятий, образсванных от слов—глаз, голса, рука, сердце, нога, душа и т. д. Например, от слова աչք „глаз“ у нас в араратском диалекте имеются следующие выражения, как цельные понятия—աչքը լույս, աչքը դուրս, աչքը օտի, աչքը շոռ, աչքը կուշտ, աչքի փուշ, աչքը խաղալ, աչքը չղալ, աչքից զոնի, աչքը վախենալ, աչքով տալ, աչքը տընկել, աչքի բնկենել, աչքիս վրա, աչքը ջուր կտրել, աչքով անել, աչքով ունքով անել, աչքերը ջուր մաղել, աչքը պրան պահել, աչքը ըսց (= աչքարաց), աչքով աչք չունի, մի աչքով նայել (= թերազնահատել) и т. д.

¹ См. „Литературная газета“, 6 февраля 1951 г.

и т. п. Такие выражения, насчитывающиеся сотнями и тысячами, характерны для народного языка и очень удачно использованы многими нашими писателями, особенно Ованесом Туманяном.

В наших диалектах есть и морфологические-словотворческие особенности, которым мы должны дать предпочтение перед древнеармянскими формами. Например, грабар имеет деепричастное окончание—*իան* в образованиях типа (*լռելեայն* „молча“), что в араратском диалекте стягивается в форму—*ին* как *լիթալին* „идучи“, *դողալին* „дрожа“, *չորչալին* „сыпаясь, морозясь“, *շորորալին* „покачиваясь“ и т. п. Этот вид деепричастия мы должны больше применять подобно русским „идя“, но и „идучи“ и пр. Точно так же древнеармянский суффикс—*եան* для отыменных прилагательных вещественного происхождения как *սոկեայ*, *արծաթեայ*, *երկաթեայ* и пр., в новоармянском (арарат. диалекте) стягивается в *ե*, как *սոկե*, *երկաթե*, *քարե*, *մաղե* и пр., каковая форма только и должна быть применена, но сохраняются—*եայ* в других прилагательных *ժամայ* (8-ժամայ), *ամայ* (5-ամայ) и пр. Наконец, наши диалекты имеют одну особенность и тонкость, чего в грабаре не имеется. Это—передача в одном слове двух форм множественности с отношением к предмету, к лицу, как, например, *շորերս* „мои платья“, *գրքերս* „мои книги“, но *շոր-նր-ներս* „наши платья“ (стягиваются в *շոր-ն-եր-ս*), *գրք-ն-եր-ս* „наши книги“ и пр. Ср. у Ов. Туманяна *ձեռքներս խոնարհ սրտներիս դրած* (սշին օրհնութունն). По-моему эти формы вместо обычных *սմեր շորերը*, *սմեր գրքերը* и пр. также должны приобрести право на употребление в общелитературном языке, как вошли они и в западно-армянский язык, но с обратным расположением (*շոր-եր-նի-ս*, *գրք-եր-նի-ս* и пр.). Если возразить против такого двойного употребления, тогда нужно было возражать и против формы *շոր-ս*, *գիրք-ս* и пр. вместо параллельного *իմ շորը*, *իմ գիրքը* и пр.

Что касается использования терминов, то в этом вопросе в диалектах также есть удачные, веками испытанные слова, которые мы должны использовать вместо того, чтобы составлять искусственные слова, большей частью весьма неудачные. Например, народ сохранил много слов хозяйственного, как и бытового порядка. С. Амадуни в своем словаре (*Հայոց բառ ու բան*) приводит, в частности, следующие слова для частей мельницы—*վաք*, *լիր*, *գոխ*, *գուշ* || *կրիճակ*, *ալրատուռն*, *քարաղ*, *ցից*, *տապարակ*, *կուռղ*, *փառ*, *փառակալ*, *ճանճիկ*, *ափան*, *հյոն* || *լիթոն*, *գորտ*, *ցրտոն*, *կուռիկ* и т. д. Приводятся также следующие термины или слова, относящиеся к винограднику—*ափ*, *ածեր*, *սանդ*, *թուճր*, *տախտակ*, *քաջ*, *պոլ*, *շրջան*, *միջնակ*, *քաւր*, *երինջ*, *կուտրակ*, *արքառ*, *հոն*, *գանձ*, *տաշնակ*, *վազ*, *մատ*, *ակտուշ*, *խուակ*, *ձար* и т. д. Наши ученые ботаники за незнанием армянского названия одного растения применили турецкое слово *ղանդուրղան*, в то время, как для обозначения этого растения в селах Ошакан, Аштарак и Парби сохранилось чисто армянское слово *սակուռակ*, (см. словарь С. Амадуни, стр. 582).

В древности в области лексики политического, военного, административного и прочего характера армяне под влиянием персов отказывались от своих терминов и перенимали персидские. Сейчас мы можем пересмотреть некоторые из них, и хотя это очень трудно, постагагаться заменить отдельные персидские термины новосоставленными армянскими словами, а то и общепринятыми терминами.

При строительстве новоармянского языка мы должны проявить необходимую осторожность. В каждом отдельном случае мы должны конкретно подходить к заимствованию или образованию нужных нам слов. Мы не проповедуем, конечно, строгий пуританизм. Нет, например, адекватов для *յար, արևի, ջան, ֆանճ, յոլա գնար, քաղաքայր* и т. п. Нужно иметь в виду также, что иногда неправильные или неудачно образованные слова вследствие долгого употребления могут войти в быт, как это имеем, например, со словами *կանգալ* „остановка“, *շագանակ* „каштан“ вместо перс. *շանգանակ* и пр. Мы сейчас уже не можем отказаться от этих слов и вместо них вводить другие. Вообще спешка в данном вопросе иногда не оправдывается, а тем более „языковое администрирование“, что имело также место.

Из истории языка мы знаем, что в своих словах и формах человек выражает свое отношение к окружающему миру и людям, а, следовательно, пользуется языком не только как орудием общения, что является главной целью языка, но и как средством борьбы. Для этого должны наличествовать социальные противоречия и борьба между различными и враждебными общественными группами. Австралиец, при определении имени предмета по дальности и отношению к говорящему и слушающему или третьему лицу этот предмет определяет разными местоимениями или специфическими словами, смотря по тому является ли это второе или третье лицо человеком своего или враждебного племени, принадлежит ли оно к туземцам или пришлым европейцам. В этом разноформенном определении уже видно отображение социальных противоречий. Когда в классовом обществе наличны такие выражения, как „ваше благородие“, сударь-с“, „ну-с“, „барыня кушают“ и т. п., то тут явно проявляется эта разностепенная и классовая дифференцированность содержания. Когда во время гражданской войны для нас были одиозны термины солдат, офицер, полковник, генерал и т. п., то это было отражением в психике, а отсюда и в языке, классовых противоречий. Но когда в нашей стране не стало этих противоречий и противоборствующих классов, а вдобавок мы нуждались в строгом разграничении военных функций и укреплении дисциплины, то мы, естественно, не могли больше проявлять отрицательного отношения к вышеупомянутым терминам. Точно так же, когда в прошлом у нас было противопоставление города и деревни в экономическом и культурном отношениях, то такие выражения как *աւրի-տ, րուրի-տ* и пр. некоторыми намеренно противопоставлялись литературному („городскому“) *ա-*

սուր է, խոսքի է и пр. Сейчас это различие в употреблении может свидетельствовать либо о приверженности к своему месту (району, селу), либо же о некультурности говорящего.

В этом аспекте мы хотим отметить неправомерность замены некоторых армянских общественно-политических терминов терминами иностранными в условиях, когда армянские термины в технико-морфологическом отношении составлены более чем удовлетворительно, когда они имели довольно длительное употребление в армянской среде и вошли в социальное и языковое бытование.

Замена этих армянских терминов не оправдана никакими политическими или иными соображениями еще потому, что в армянской советской действительности нет противоборствующих социальных сил, которые вкладывали бы в эти термины свое особое содержание.

Искусственное, произвольное выбрасывание из словарного фонда языка слов, которые не отжили еще свой век, имеет своей „теоретической“ основой вымыслы Марра и его учеников о внезапных взрывах в развитии языка и коренным образом противоречит учению товарища Сталина об устойчивости грамматического строя и основного словарного фонда языка. „Устойчивость языка,—учит товарищ Сталин,—объясняется устойчивостью его грамматического строя и основного словарного фонда“.¹ Говоря об основном словарном фонде языка, товарищ Сталин специально подчеркивает, что „он живет очень долго, в продолжении веков и дает языку базу для образования новых слов“.² Далее, говоря о русском языке в послеоктябрьский период, он отмечает: „Что же касается основного словарного фонда и грамматического строя русского языка, составляющих основу языка, то они после ликвидации капиталистического базиса не только не были ликвидированы и заменены новым основным словарным фондом и новым грамматическим строем языка, а, наоборот, сохранились в целостности и остались без каких-либо серьезных изменений,—сохранились именно как основа современного русского языка“.³ Из всего вышесказанного кажется вполне ясным, что термины и слова, бытовавшие в армянском языке задолго до Октябрьской революции, вполне могли обслуживать наши языковые требования и после Октября, как это имело место в русском языке. „...русский язык остался в основном таким же, каким он был до Октябрьского переворота“.⁴ В свете сказанного нам кажется совершенно необоснованной та спешка и неосмотрительность, которые были обнаружены при исключении из словарного фонда армянского языка ряда вполне пригодных армянских слов и терминов. В этом

¹ И. В. Сталин. Марксизм и вопросы языкознания, стр. 22.

² Там же, стр. 19.

³ Там же, стр. 4.

⁴ Там же, стр. 4.

вопросе у нас был обнаружен почин отрицательного характера, как и горячка в оценке „марксизма“ Н. Марра.

Как подчеркивает акад. В. Виноградов, теория Н. Марра, призывавшая к ломке и „революционной“ перестройке языка с взрывами и скачками, во многих случаях вредно отразилась на живой практике советского языкового строительства. Н. Сауранбаев, действ. член АН Казахской ССР, отмечает такой факт: „В Казахстане, как и других республиках, в которых национальные языки в основном являются младописьменными, были случаи изгнания из литературы многих коренных слов под воздействием теории „классовости“ языка. При этом многие языковеды придерживались установки о том, что язык—надстройка, а потому в соответствии с новым, социалистическим базисом надо создавать новый социалистический язык путем взрыва“.¹

Видимо, подобными „установками“ руководствовались ученики Марра в Армении, когда добивались произвольного выбрасывания из армянского языка целого ряда армянских слов.

Само собой разумеется, что было бы нелепо отрицать тот факт, что всякий язык развивается, нуждается в новых терминах и словах, вынужден зачастую заимствовать их из других языков.

Дело заключается в том, чтобы осуществлять эти заимствования продуманно и научно-обоснованно, с полным учетом многих обстоятельств.

Так, нужно считать неправильным, когда мы перенимаем иностранные слова в их западно-европейской транскрипции и произношении. Например, географические имена Япония, Ява и пр., как и слова иезуит и другие у нас под влиянием западных армян фигурируют как Джалония, Джава, джизвит и пр. Спрашивается, не лучше ли было взять форму этих имен в их подлинном национальном произношении: Япония, Ява, иезуит и пр., как это сделали русские. По-иному о таком же отгораживании от влияния русского языка свидетельствует употребление слов *Ֆրադ, կոմուն, րալլադ, ֆորմուլ* и т. д. вместо *Ֆրադա, կոմունա, րալլադա, ֆորմուլա* и т. д. Ошибаются те, кто такие сокращения пытаются обосновать особенностями армянского языка. Ведь говорим же мы—*փեսա, ծառա, ընծա, երկխա, մասսա, մեքենա, նորմա, Ամասիա* и т. д. Следовательно, ничего неудобного или „антиармянского“ в окончании на *ա* тут нет.

Мы считаем также неправильным, когда безоговорочно отвергается употребление двух одинаковых согласных в словах *կոմուն, րալլադ, դոլար, անտոսցիա, պարի, միսիա, սեսիա* и пр. По-нашему и тут нужно конкретно рассматривать каждый отдельный случай, имея в виду, что армяне в двухсложных словах раньше применяли писание и произношение двойного согласного, как *կեցցէ, րացցէ,*

¹ См. у В. Виноградова, „О трудах И. В. Сталина по вопросам языкознания“, стр. 37—38.

բրրրի, ովսաննա и пр., а сейчас употребляют двойные согласные в словах—*տոննա, մասսա* и т. д.

По нашему глубокому убеждению заимствованные нами иностранные слова мы должны употреблять не в итальянской или французской, а в близкой и понятной для нас русской форме.

В этом аспекте мы считаем нужным сделать следующие предложения. Во-первых, во многих иностранных и русских именах и словах следует удержать акцентацию, свойственную этим самым языкам. Нужно произносить Бетховен, Шиллер, Лермонтов, Гоголь, Молотов, Ворошилов и т. д., как и профессор, директор, трактор и пр. Не следует в этих словах согласно окаменелой норме современного армянского языка ударение механически переносить на последний слог. В древности у нас ударение ставилось не только на этом последнем слоге, но и на предпоследнем. В диалектах же и сейчас наличествует большая разноречивость. В иностранных и русских словах и именах нужно сохранять присущее им ударение и при их склонении в единственном числе, например, *Հերմանովի, Հերմանովից* или *պրոфессորի, պրոфессորից* и т. д. Меняется ударение перенесением на последний слог и при производных образованиях. Например, *Հենրի, Հենրից, но լենինյան, Հենրիական* и т. д., как и *պրոфессորանց, պրոфессորական* и пр.

Во-вторых, мы предлагаем при заимствовании иностранных и русских слов графически разно оформлять мягкое и твердое „л“, что в одно время соблюдалось в письме (писали два л: твердое и мягкое). Сейчас у нас в этом вопросе господствует шаблон и примитивизм. Такие слова, как иллюстрация, революция, спекулянт, базальт, большевик, альт, вальс и др. механически атгестуются одним твердым „л“ и пишут *ռեվոլուցիա, իրուտորացիա, սպեկուլանտ, բազալտ, բուլետիկ, ալտ, վալս* и пр. Думается нам, что внедрение в армянское письмо мягкого л (|| ль) в виде армянского имело бы также то положительное значение, что способствовало бы точному произношению и многих русских слов, а через русское произношение и многих иностранных (латинских). Ухо режет, когда у нас произносят национальный, гениальный, болшевик и пр.

И, наконец, мы хотим отметить и следующее неправильное направление при заимствовании иностранных слов. У нас сейчас как будто превалирует произношение многих слов на французский лад. Например, пишут и произносят *կոմիտե (comité), պորտրե (portrait), սյուժե (sujet)* и пр., хотя удерживаем через русское влияние *բյուջե (франц. budget), իմունիտետ (франц. immunité), պարիտետ (parité), պրիորիտետ (priorité)* и т. п. Французские формы—*կոմիտե, պորտրե, սյուժե* и пр. имеют также и то неудобство, что при производных формах: *պորտրետային, սյուժետային* и пр. для армян не будет понятно восстановление срединного звука т, тогда как при перенятии русских форм этих слов, т. е. комитет, сюжет, портрет и пр.,—мы имели бы наличие многих произведенных и понятных образований

(от франц. *parité* мы не могли бы образовать армянское *պարիտետի* и пр.).

Вопросы строительства языка и, в частности, поэтического языка имеют исключительно большое значение в строительстве коммунистического общества и его культуры. Наша социалистическая действительность создала все предпосылки для целенаправленного развития языка, для сохранения его чистоты, для его неуклонного обогащения.

Советская лингвистика призвана в свете гениальных работ товарища Сталина по языкознанию разрабатывать проблемы, связанные с задачей дальнейшего развития и обогащения языков народов СССР. Мы должны уточнить и конкретизировать само понятие чистоты языка, научно обосновать пути и методы достижения этой чистоты, истоки дальнейшего развития и усовершенствования языка.

Со всей остротой нужно поставить задачу преодоления всякого субъективного произвола в строительстве языка. Совершенно нетерпимо, когда отдельные наши писатели и поэты, работники прессы с поразительной быстротой и легкостью сочиняют и пытаются ввести в наш язык слова и выражения, противоречащие его внутренним законам, его специфике, его духу.

Для преодоления этого субъективного произвола в языкостроительстве значительную роль может сыграть государственный терминологический комитет. Нужно возродить у нас деятельность этого комитета, ввести в его состав лучших специалистов, представителей различных отраслей культуры. Терминологический комитет и его секции должны работать в самом тесном контакте с институтами Академии наук Армянской ССР.

Нужно отбросить устаревшие, неверные представления, согласно которым развитие языка будто бы является чисто стихийным явлением, не терпящим никакого осознанного и целенаправленного вмешательства. Несостоятельность и вредность этой „теории“ особо наглядно проявляются в условиях социалистического общества, признанного научно-плановым началом.

Язык не терпит субъективного произвола, не терпит такого вмешательства, которое осуществляется путем игнорирования необходимых законов его развития. Напротив, если это вмешательство осуществляется с точным учетом закономерностей развития языка, то оно может дать самые плодотворные результаты. В частности, мы должны активно вытеснять из языка все то, что устарело, все то, что имеет отрицательное содержание. В этой связи мы хотели бы отметить весьма положительную роль наших руководящих органов при разработке топонимики Армении, где в прошлом многочисленные географические названия явно напоминали былое владычество разных захватчиков и притеснителей армянского народа. Но не все еще сделано. Например, многие древние названия мест продолжают еще писать по позднему турецкому произношению, как *Զա-*

փան „Кафан“, а не Չապան (ср. Վապան քաղաք, կ. Վախառ, կ. Վախրն, как у Ст. Орбеляна), или Ուջան, Ուջանիս, а не Վժան, Վժանիս или же հախ (народно этимологизировано в связи с арабс. հախ „возмездие“), а не Աղղ, как имеется у М. Хоренского и точно произносится еще у нынешних аштаракцев, и другие писания (Քաաախ вместо Քաաաղ). Нужно запретить отуреченное произношение и писание Արա-ղյող из Արաղյող, вместо правильного Արաղած и т. д. Многие подобные имена — Երևիվան, Արաղած, Վալող ձոր (Վալթ) и пр. имеют в своей правильной форме большое историологическое значение в связи с племенными названиями древней территории Армении, а, следовательно, и этногенезом армян.

* * *

Заканчивая наш доклад, мы хотели бы подчеркнуть плодотворное значение и роль широко развернувшихся дискуссий по языкостроительству. Они еще раз подтвердили глубокую истинность слов товарища Сталина о том, что „... никакая наука не может развиваться и преуспевать без борьбы мнений, без свободы критики“.¹

В свете трудов товарища Сталина по языкознанию мы должны до конца вскрыть и преодолеть ошибочные, вредные, антимарксистские „установки“ Н. Я. Марра и, в частности, его учеников, орудовавших в Армении, покончить с той путаницей, которую они создали не только в лингвистике, но и во многих других отраслях арменистики.

Мы должны путем свободной дискуссии уточнить пути и методы дальнейшего развития армянского языка, отыскать подлинные источники его дальнейшего обогащения и расцвета. В этой связи мы должны определить наше отношение к грабару, к территориальным диалектам и, в частности, к западно-армянскому литературному языку, как к возможным источникам для обогащения современного армянского языка.

Нет сомнения, что диалекты и западно-армянский литературный язык обречены на исчезновение. Они отомрут так же, как отмер грабар. Всякие попытки их искусственного оживления обречены на неминуемый провал.

Из сказанного не следует, однако, делать тот вывод, что грабар и диалекты не представляют для нас интереса. Напротив, мы должны собрать и изучить их языковой материал в целях обогащения нашего нового общенационального языка и составления истории армянского языка.

Вопросы языкостроительства и исторической оценки конкретных языков должны быть в корне пересмотрены в свете классического труда товарища Сталина „Марксизм и вопросы языкознания“.

¹ И. В. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, стр. 26.

К такому пересмотру арменистика подходит с богатым материалом, накопленным в продолжении многих веков. У нас не может быть предубежденного отношения к фактам и видам богатого языкового наследия армян, которым они вправе гордиться. Но задача не в том, чтобы восторгаться этим прошлым наследием. Мы призваны отдать все наши силы развитию и обогащению современного нашего языка, который уже сейчас своими лексическими и грамматическими потенциями намного превосходит древне-армянский мертвый язык.

Можно не сомневаться, что, руководствуясь основополагающими идеями трудов товарища Сталина по языкознанию, наши писатели и специалисты-арменисты в тесном контакте со всей нашей общественностью приложат все усилия, чтобы сделать наш язык более богатым, гибким, красочным, превратить его в могучее оружие в борьбе за коммунизм.